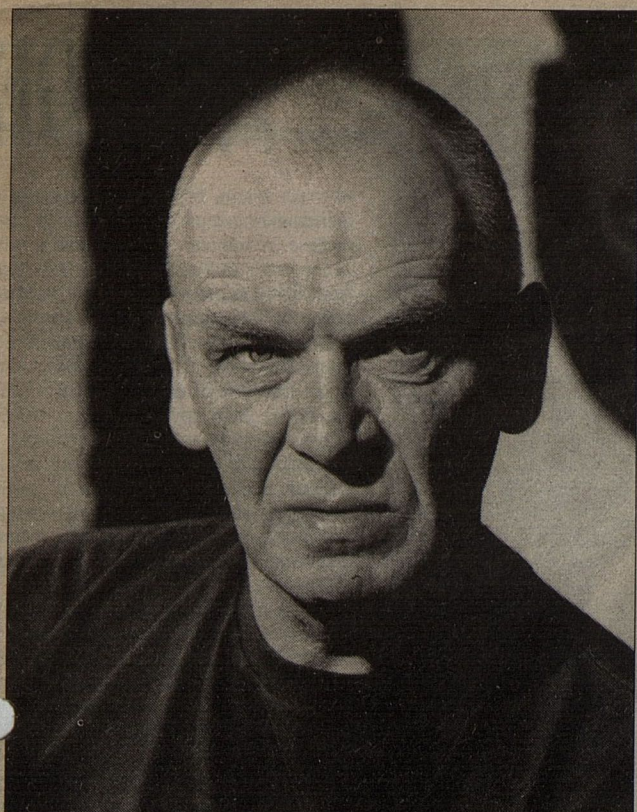

Эймунтас НЯКРОШЮС:

После Шекспира — как после аварии

Литовский режиссер ставит классику скрупулезнее всех в мире

Юбилейная программа X фестиваля «Золотая Маска» открылась шекспировской трилогией Эймунтаса Някрошюса. Театр «Meno Fortas» еще раз показал Москве «Гамлета» — «Макбета» — «Отелло».

Главное ощущение зрителя Някрошюса — точно ты еще раз (спустя несколько лет и всего на несколько часов) вошел в сумрачную и мощную картинную галерею. Там — мерцают полотна, которые ты помнишь в деталях годы спустя. Рядом полотна, которые ты абсолютно забыл, — той же силы и соразмерности. За ними — шедевры, которые ты заметил впервые.

И (это четко понимаешь, выходя из зала) — ты снова пережил и запомнил только малую часть. Если, годы спустя, попадешь в этот мир снова, — ощущение повторится.

В текущем зрелище театра Някрошюс чувствует природу материи остро, как живописец. В «Гамлете» зрение терзает контраст клочковатых овчин, медвежьих шкур (душных, горячих, пахнущих зверем — как человеческие страсти) — и кристаллических глыб льда, тающих в огне свеч, ясных и беспощадных — как мысль принца-философа.

«Отелло» — спектакль «венецианской школы»: северная голубизна света, сырая холстина парусов и выцветшая корабельная древесина с белесоватым налетом соли создают его колорит. Золотая труба корабельного сигнальщика блестит в прорехах парусов. И замечательная музыка Фаустаса Латенаса сотрясает северную Адриатику как соло Рока.

«Макбет» белому описанию не поддается вовсе. Сухие острые ветви и восковые алые яблоки родословного древа, которое Банко, прародитель королей Шотландии, носит за спиной в вещмешке (корни по-крестьянски плотно обернуты мешковиной)... Черные осетровые морды топоров, разрывающих плоть короля Дункана, — и сухой маршевый стук тех же топоров, ставших корневищами Бирнамского леса... Суконное солдатское одеяло — могильный холм Банко, вдруг вспухший изнутри корчами убитого... Пластически шестичасовой спектакль плотней любого балета: Някрошюс перевел Шекспира на язык жестов, язык камня, огня, стали, мокрого сукна, сухого дерева, алого шелка.

И проповедь о грехе и воздаянии гремит на этом языке, не теряя силы.

В мизансценах Някрошюса — угловатая сила экспрессионистов, расплавленный, текучий мир сюрреалистов эпохи «между двумя войнами».

И высокая серьезность старых мастеров, избравших сюжеты из книг Священного Писания. Так, собственно, поступил и сам режиссер: театр «Meno Fortas» репетирует сейчас спектакль «Песнь Песней».

...Перед началом гастролей Эймунтас Някрошюс встретился с театральными журналистами Москвы в новом пресс-клубе «Золотой Маски». Вот — канва разговора, лаконичные комментарии, резко углубляющие смысл прежних и новых спектаклей.

— Ваш «Гамлет» поставлен в 1997 году. Изменился ли спектакль, изменилось ли ваше отношение к нему?

— Все стареет... Наверно, это естественный процесс. Года полтора назад я смотрел «Гамлета», два спектакля подряд — и решил, что спектакль устал. Износился. Состарился. Что его пора снять со сцены. Я сказал об этом актерам.

...Но следующие два спектакля они сыграли так энергично, что я оставил «Гамлета» в репертуаре «Meno Fortas».

Может быть, просто шла такая полоса. Я уверен, что все на сцене зависит от настроения актеров. Бывают какие-то дни, когда совершенно не играется спектакль. И ничем невозможно это объяснить! Такая волчья яма. Ничего не поделаешь. Надо через нее пройти.

— В ближайшее время — нет. Он очень измучивает.

— Вы не завершили работу над «Королем Лиром». Неужели вы даже для себя не разбираете пьесу заново?

— Я очень обжегся тогда. Если на автомобиле проезжаешь участок шоссе, где когда-то попадал в аварию, — едешь, не оглядываясь. И не останавливаешься там никогда. Побороть себя трудно. Да и не хочется.

— В Большом театре вы недавно поставили «Макбета» Верди. Известно, что вы очень любите Вагнера. Есть ли новые оперные проекты?

— Летом буду ставить во Флоренции «Бориса Годунова» на фестивале. Сейчас идут переговоры с Большим театром о новой опере Леонид Десятникова.

Не надо рубить сплеча.
В заброшенный вишневый сад хотя бы зайцы прибегают в поисках пропитания

дотаций живем — играем в убыток. Мы иногда позволяем себе так делать. Но — дирекция не рекомендует...

— Вы сказали, что «Гамлет» рожден тревогой, чувством разрыва времен. А под каким знаком создан ваш московский «Вишневый сад»?

— Сам процесс работы был своеобразным. Я для себя поставил очень жесткие условия, потому что знал: по контракту,

спектакля. О тех минутах, когда за сценой гремят топоры, точно пулеметы, дрожат тени вишневых деревьев и карнавальные зайцы ушли персонажей. Раневская, Лопухин, Аня, Гаев мечутся, как под пулями. И кажется — гибель вишневого сада 1902 года переходит в прямой расстрел его наследников.

Многим финал показался «любовым». От вас этого не ждали...

— Возможно, это решение — не совсем в русском менталитете. Но если б я делал «Вишневый сад» еще раз, я бы вновь не отказался от такого финала. Он для меня, может быть, больше всего значит из-за моей памяти. И моих ассоциаций.

— Каких?

— Они ведь не умирают там, в финале... Мне не хочется полностью умирать. Я хотел бы перейти в дерево, например. К дереву придет какая-то косуля — будет от дерева кормиться. Какой-то заяц прискачет... Я не хочу, чтоб была поставлена точка после нашей жизни. Пусть мы уже физически и исчезли, но как-то я вижу — как заканчивается, провисает история... Но еще я вижу, как вишневый сад меняет свою природу, не умирая до конца.

Может быть, его не рубить пришли — ведь в этом финале сад не рубят! Он заброшен, оставлен, он переходит в лес. А в заброшенный одичавший сад всегда прибегают зайцы. Ищут там себе пропитания, какое осталось...

О продолжительности нашего духа, когда нас уже нет, даже нашего ясного образа уже нет, — вот о чем эта сцена. Может быть, тут говорила крестьянская ментальность.

— Он как раз очень в русском менталитете, этот финал.

...Сейчас вы ставите «Песнь Песней» с труппой «Meno Fortas». Чем обусловлен выбор и когда будет премьера?

— Во-первых — это прекрасное произведение. Текст очень простой и затрагивающий много тем, всем близкий. Во-вторых, вопрос, как сделать «Песнь Песней» на сцене, — он огромный! Мне показалось, что можно сделать очень красивый спектакль. Как все получится, я и сам не знаю. А премьера... премьера должна быть в декабре.

— Вы собираетесь сохранить текст дословно?

— Дословно. Конечно. Этот текст нельзя менять.

— Вам бы хотелось «вывести на сцену» и другие образы Ветхого Завета?

— Конечно! Но о других... о других книгах я даже фантазировать не имею права!

— Франко-германский канал «Арте» быстро и качественно создает телевизионные лучшие драматических премьер «Шенгена». Российское ТВ не предлагало создать телеверсии ваших спектаклей?

— Раньше мой спектакли когда-то записывали и транслировали. Но теперь — нет. Вероятно, те времена прошли...

● Записала Елена ДЬЯКОВА

«Макбет» — «на отмени времени»

Семь лет назад, когда «Гамлет» родился, напряжение ощущалось везде, висело в воздухе. Был какой-то перелом — перелом систем, перелом ценностей... Казалось, что мир взорвется, что все это брожение — канун какой-то трагедии. И никто до конца не верил, что это время закончится.

То напряжение само собой передалось спектаклю: попытка показать перелом эпохи, передать ощущение связей, которые рвутся...

Если б я делал «Гамлета» сейчас — наверное, сохранил бы из того, прежнего, пятнадцать — двадцать лучших минут. А все остальное решал бы сегодня по-другому.

— Вы собираетесь возвращаться к Шекспиру?

— Это та опера, что написана на либретто Владимира Сорокина?

— Да. Десятников приехал в Вильнюс и сыграл на фортепиано весь клавир. И (это не только мое мнение, были и другие слушатели) — написано очень хорошее музыкальное произведение. А дальше как будет — это уже от многого зависит.

— Где чаще играет «Meno Fortas» — в Литве или в других странах?

— За границей мы играем шестьдесят—семьдесят спектаклей в год. Иногда больше. В Литве — мало. В репертуаре — пять спектаклей. В сезон два раза в Вильнюс идет «Гамлет». Три раза — «Макбет». Потому что Вильнюс маленький город. Не набираем зала. А так как без

по реальным условиям занятости всех участников «Вишневого сада» — у меня всего сорок пять репетиций. Сорок пять репетиционных точек от начала до конца спектакля.

Были заняты крупные актеры. Я не работал с ними раньше. Наверное, влияли их личности. Их имена. Их опыт. Я не имел права приходить на репетицию, не зная развития спектакля на несколько шагов вперед. Я должен был опережать всех актеров, чтоб не возникали спорные ситуации вокруг каких-то решений, чтоб репетиции не переходили в разговорный жанр.

Может быть, жесткость графика не давала свободы ни мне, ни актерам.

— После премьеры в Москве было много споров о финале